

Узы единства. Гравюра Мауриси Корнелиса Эшера. 1956.

УДК 008:17.035.3:3

Сараф М.Я.

Нация, национальность, национальное культурное пространство

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-3019-4171>

E-mail: mikhail-y-saraf@j-spacetime.com; ssaraf@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о сложных и противоречивых взаимодействиях национального, социального и культурного пространств. Его актуальность определяется глубоким кризисом теории и практики мультикультурализма, а также обострением проблемы национальных интересов и национальной безопасности. Смешение понятий «нация» и «национальность» приводит к путанице и ошибкам не только в теории, но и в осуществлении национальной государственной политики и обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: нация; национальность; национальное культурное пространство; национальный интерес; национальная безопасность.

Вопросы о национальных отношениях и о характере национальной идентификации в условиях новых угроз, порожденных и резко изменившейся на рубеже XX–XXI вв. социально-экономической и геополитической ситуацией, и ее нынешней динамикой – следствием процессов глобализации и неравномерных темпов развития стран и регионов мира, приобрели острую актуальность. В первую очередь это относится к европейскому региону, где недавняя либералистская эйфория мультикультурализма уже сегодня сменилась похмельем деградации титульных наций.

Эти вопросы не могут обсуждаться и получать свое практическое решение без анализа сложных

и противоречивых взаимодействий национального, социального и культурного пространств общественного бытия. В отечественной философии культуры вопросы о континуальных характеристиках культуры разрабатываются весьма широко и, на мой взгляд, весьма успешно. Достаточно ознакомиться с содержанием докладов на многочисленных философских и культурологических конференциях и конгрессах, чтобы убедиться в многообразии представления этой тематики и методологических подходов к ее осмыслению. По теме социального и культурного пространства уже существует обширная литература монографического плана, подготовлены и защищены кандидатские и докторские диссертации, что позволяет сделать вывод о глубине и значительности исследований этой направленности¹. Их актуальность определилась не столько академическим интересом к проблемам бытия культуры, сколько практической потребностью в осмыслении трудного, противоречивого развития современной цивилизации, а главным образом сложности и остроты социального и культурного развития нашей страны, оказавшейся несколько неожиданно для себя в условиях крутой ломки всей системы социального и духовного воспроизводства. Но при всем многообразии тематики и методологических подходов к пониманию современных социокультурных и национальных процессов вопрос о структуре и динамике национального культурного пространства как определенной целостности, и добавим, как ценности, не нашел еще нужного теоретического освещения. Другой аспект этой проблемы – национальная безопасность и ее обеспечение – привлекает не меньшее внимание и обсуждается в научной литературе, но пространственная безопасность национальной культуры не выделялась в качестве предмета анализа.

Распад Советского Союза и угрозы целостности России вызвали такие острые национальные коллизии и такие резкие национальные противоречия, которые еще недавно казались едва ли возможными на отечественных пространствах. Среди них особенно острыми оказались вопросы этнонациональных отношений с присущей им пристрастностью суждений, выводов и решений, с тяжелыми последствиями для значительных социальных континентов. Самое неожиданное состояло в том, что основные социальные группы бывшего советского общества обнаружили низкую способность к социальной инициативе и активной защите своих интересов. Это проявилось не только в сфере социальной (быстрым социальным расслоением, понижением жизненного уровня), это отразилось значительным упадком воспроизводственных возможностей, то есть упадком культуры, понижением активно-творческого потенциала нации и утратой страной ведущих позиций в мире в области духовного производства. И совсем не случайно столь остро в этой кризисной ситуации встал вопрос о необходимости новой национальной идеи, которая если не создала бы новое духовное, то есть культурное пространство, то позволила бы предотвратить опасность дальнейшего распада.

Схожие коллизии сложились и в бывшей Югославии, и в нынешней Украине, где выразились с особой резкостью и с особой конфликтностью, и в бывшей Чехословакии, которой, однако, удалось избежать тяжелых этнонациональных осложнений. Даже, казалось бы, совершенно благополучные Канада, Нидерланды, Бельгия и Швейцария переживают обострения межэтнических отношений. Не знаю, есть ли в настоящее время в мире страна, где бы так или иначе не проявляли себя противоречия, имеющие национальное содержание. Но тогда что, же собой представляют так называемые национальные интересы, проведение и защиту которых провозглашает каждое правительство? От характера и направленности их развертывания и разрешения непосредственно зависят и судьбы культуры отдельных стран и народов, и судьба мировой культуры в целом.

Однако понятие «национальное» производно от понятий и «нация», и «национальность», и это создает существенные трудности и даже путаницу в их употреблении и трактовках. Достаточно вспомнить, сколько проблем возникло из вполне прогрессивного для своего времени лозунга о праве наций на самоопределение (вплоть до отделения). Если тогда исходили из простодушно кажущейся ясности понятий, то в наше время следует строго определиться с их содержанием, тем более, что сегодня на повестку дня выносятся вопрос разработки и принятия закона о нации. И если не очень ясно отдавать

¹ См., напр.: Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Дисс. д.ф.н. Волгоград 2003; Беликова А.В. Социальное пространство: онтологические особенности и конституциональная структура. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2004; Быстрова А.Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). Новосибирск: СО РАН, 2004; Качалина Л.В. Социальная реальность как объект философского анализа. Дисс. к.ф.н. Волгоград, 1999; Черняева Т.И. Архитектоника социального пространства. Дисс. д.ф.н. Саратов, 2004; Сулакшин С.С. Россия и мир // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: Материалы Всероссийской научной конференции (19 марта 2010 г., Москва) / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2010. С. 30–56; Философия и будущее цивилизации. Материалы IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. / Отв. ред. А.Н. Чумаков. Т. 4. М.: Современные тетради, 2005; Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 окт. 2006 г.) / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2007; Ярская В.Н., Яковлев Л.С., Печенкин В.В., Ежов О.Н. Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. Саратов: Научная книга, 2004.

себе отчет в том, что есть нация, нетрудно представить себе взрывной потенциал содержания закона в его трактовках и интерпретациях. А ведь еще тлеет противоречие между понятиями нация и народ (понятие, которое еще недавно, до воссоединения Крыма с Россией, считалось почти вышедшим из употребления), и чем его развертывание может обернуться, пока никто не думал. Несомненно, что сюда добавит остроты новый социальный феномен с весьма темным содержанием, который можно бы назвать «поселенческая масса», и который не имеет общей исторической и культурной традиции.

В отечественной науке нет общепринятого понятия нации. «Философская энциклопедия» определяет нацию как историческую общность людей, складывающуюся на основе общности их языка, территории, экономической жизни, культуры и некоторых особенностей характера¹.

«Новая философская энциклопедия» предлагает понимание нации как совокупности граждан одного государства как политического сообщества². Нация объединяет людей, живущих на территории данного государства, общегражданским сознанием, чувством общей исторической судьбы и единого культурного наследия, а во многих случаях – единого языка и даже единой религии.

В «Мегаэнциклопедии Кирилла и Мефодия» нация определяется как историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера³.

Значительная часть авторов, трактующих эту тему, нацию понимает как высшую форму этнической общности, обладающей исключительным правом на свое государственное оформление и существование. Основанием для этого служит этимология понятия, которое в первоначальном значении (латинское «natio») означало соплеменников и стало интерпретироваться как «большая семья».

В предельной обобщенности можно сказать, что существуют два различных подхода к определению понятия нации. Первый трактует ее как исторически сложившуюся государственно-гражданскую общность. Это понимание конституировано в Организации Объединенных Наций. Второй трактует нацию как форму развитой этнической общности, обусловленную единой биологической, кровнородственной основой.

И тот, и другой подходы имеют свои серьезные резоны, и в продолжающихся уже едва ли не полтора столетия дискуссиях ни один из них не уступил аргументам другого. Однако я полагаю, дело здесь отнюдь не в логических доводах и безупречности рационально-теоретических построений, а в интересах, которые могут или не могут быть достигнуты в конкретном историческом контексте определенными социальными группами при том или ином понимании нации.

Те же самые трудности возникают и при употреблении понятия «национальность». В одних случаях и в теории, и в практике гражданско-юридических отношений оно употребляется в значении принадлежности к гражданскому сообществу, то есть к нации, и выражает самоидентификацию индивида с этим сообществом. На этом основании была, например, отменена графа о национальности в паспортах граждан России. В других случаях это понятие употребляется в значении генетической принадлежности индивида к определенной этнической группе, что служит основанием для требований этносов, ревниво относящихся к проблемам своего самосохранения, об официальных формах признания и фиксирования такой принадлежности.

Но в зависимости от того, какой из этих подходов является руководящим в социальной практике, особенно если эта практика выступает в качестве государственной политики, складывается и понимание «национального интереса» (или «национальных интересов»), а значит и характер, и способы их обеспечения и их защиты. Защита же национальных интересов – это, по сути, и есть основное содержание национальной безопасности.

В действовавшей до 2009 г. «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» понятие «национальная безопасность»⁴ понималось как безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации, в чем было некоторое противоречие. С одной стороны, национальный интерес понимается как интерес гражданской общности, проживающей на российской территории, то есть применяется понятие нации в его государственно-гражданском содержании. С другой стороны, характеристика «многонациональный

¹ См.: Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 3. М. Советская энциклопедия, 1967.

² См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. Т. 3. М.: Мысль, 2000.

³ Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://megabook.ru/search?SearchText=нация&EntityKind=Article>.

⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300, в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 утратила силу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

народ» имеет, конечно же, этническое или этнонациональное содержание. Это есть содержание понятия «национальность».

В современном российском законодательстве понятие нации не используется, – и уже утвержденная в 2009 г. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» определяет национальную безопасность уже как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹. Однако в юридическом сознании сформировалось устойчивое представление о том, что понятие «национальный интерес» имеет своим главным содержанием не интересы какой-либо нации в смысле этноса, хотя бы и коренного, титульного, составляющего большинство, но единство интересов граждан и общества в рамках конкретного суверенного государства, интегрированного в государственное сообщество на основе права². То есть в российском законодательстве доминирует точка зрения, что общие интересы всего населения России как целостного социально-политического образования выражают интересы россиян и составляют основу национальных интересов России. Таким пониманием нации и национального интереса, я полагаю, и следует пользоваться в дальнейших рассмотрении вопроса о национальном культурном пространстве и соответствующих вопросах защиты его безопасности³.

Однако следует иметь в виду, что сформулированное, и, как было подчеркнуто, доминирующее в юридическом сознании понимание соотношения нации и национальности не всегда является руководящим в социальной и политической практике и в формах бытового сознания. Формирование индивидуального и группового сознания национальной идентичности на базе укрепления национально-государственного сознания осуществляется со значительными трудностями. Это характерно для многих и развивающихся, и вполне развитых стран, в том числе и для современной России. Многие политические силы все чаще и все активнее делают ставку на искусственное и гипертрофированное вытеснение национального сознания и идентификации сознанием этнонациональным. В национально-территориальных образованиях, где сосуществуют два или более этносов, этнонациональные элиты численно преобладающих на основе вполне демократических процедур создают условия, ущемляющие интересы других, особенно малочисленных этносов. Поэтому вопросы государственной национальной политики имеют остро актуальный характер, но из этого не следует, что они достаточно четко артикулируются и решаются своевременно и эффективно, что на общегосударственном, что на региональном уровнях.

В «Концепции национальной безопасности» национальный интерес определялись как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и в других сферах, в «Стратегии национальной безопасности до 2020 г.» – как совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. Ни в первом, ни во втором документе не употреблено понятие «культура», и это правильно, поскольку культура не является отдельной сферой общественной жизни, она имеет интегративное и универсальное содержание, то есть охватывает, объединяет в единое целое жизнь общества, создавая предпосылки и условия ее воспроизводства. Национальные интересы в названных сферах достижимы лишь в условиях такой интегративности. Отсюда и вопрос о ее формах, о ее структуре, об их жизнеспособности и потенциале. Это собственно, и есть содержание вопроса о характере и структуре национального культурного пространства, о законах его функционирования и развития. Но поскольку эти законы имеют вероятностный характер, то возможны как благоприятные, так и неблагоприятные модели перспектив развертывания национального культурного пространства. Последние и квалифицируются как опасность, как потенциальная угроза развитию или даже существованию национальной культуры. Опасность имманентна и инвариантна жизни вообще. Опасные обстоятельства играют важную стимулирующую и интегрирующую роль в жизни любого сообщества. Опасность выявляет и пограничные ситуации, что заставляет искать способы защиты, сохранения фундаментальных основ бытия сообщества, а также способы его перехода к новым со-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.

² Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Роль права в обеспечении национальных интересов: Международная научно-практическая конференция (Москва, 25–26 октября 2005 г.). М.: Институту законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2005. С. 29–33.

³ См. Сараф М.Я. Национальное культурное пространство и защита его безопасности. Голицыно, 2008.

стояниям. Это, собственно, и составляет содержание понятия безопасности. Следовательно, анализ любых феноменов общественного бытия сопряжен с вопросом о рисках их существования.

Национальная безопасность обеспечивается именно в государственно-правовом пространстве¹, поэтому одной из стратегических задач ответственных институтов является его целостность, которая в значительной мере определяется состоянием и уровнем развития культуры, в которой и только в которой реализуются жизненные потребности личности и общества. В условиях кризисного состояния культуры, переживаемого современным человечеством, выход из него во многом зависит от последовательной политики государств, деятельности официальных и общественных институтов, направленных на консолидацию общества, повышения уровня толерантности и сотрудничества, повышение и укрепление воспроизводственного потенциала цивилизации. Но если у этих ответственных институтов не будет ясно сформулированной программы действий и, соответственно, необходимого подготовленного контингента сотрудников, обладающих научно-теоретическими знаниями и владеющих методологией философско-культурологического анализа динамики социальной реальности, то все эти задачи могут остаться общими благими пожеланиями.

Национальное культурное пространство – тема, открывающаяся в многообразных аспектах и многообразии своего конкретно-исторического содержания, которые могут стать предметом философского, культурологического, социологического, геополитического, социально-психологического исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300, в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 утратила силу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.
3. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Дисс. ... д.ф.н. Волгоград 2003.
4. Беликова А.В. Социальное пространство: онтологические особенности и конституциональная структура. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2004.
5. Бельков О.А. О языке теории и политики национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 дек. 2009 г.). М.: Научный эксперт, 2010. С. 144–149.
6. Быстрова А.Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). Новосибирск: СО РАН, 2004.
7. Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Роль права в обеспечении национальных интересов: Международная научно-практическая конференция (Москва, 25–26 октября 2005 г.). М.: Институту законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2005. С. 29–33.
8. Качалина Л.В. Социальная реальность как объект философского анализа. Дисс. к.ф.н. Волгоград, 1999.
9. Мегаянцклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://megabook.ru/search?SearchText=нация&EntityKind=Article>.
10. Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 окт. 2006 г.) / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2007.
11. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. Т. 3. М.: Мысль, 2000.
12. Сараф М.Я. Национальное культурное пространство и защита его безопасности. Голицыно, 2008.
13. Сулакшин С.С. Россия и мир // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: Материалы Всероссийской научной конференции (19 марта 2010 г., Москва) / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2010. С. 30–56.
14. Философия и будущее цивилизации. Материалы IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. / Отв. ред. А.Н. Чумаков. Т. 4. М.: Современные тетради, 2005.
15. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 3. М. Советская энциклопедия, 1967.
16. Черняева Т.И. Архитектоника социального пространства. Дисс. д.ф.н. Саратов, 2004.
17. Ярская В.Н., Яковлев Л.С., Печенкин В.В., Ежов О.Н. Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. Саратов: Научная книга, 2004.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сараф, М. Я. Нация, национальность, национальное культурное пространство / М.Я. Сараф // Пространство и Время. — 2016. — № 3—4(25—26). — С. 114—118. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provst3_4-25_26.2016.41.

¹ Бельков О.А. О языке теории и политики национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 дек. 2009 г.) / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2010. С. 149.